

Двери, что заперли счастливых детей

- Я помогу тебе больше, чем
остальным и больше, чем
остальные тебе

Black White
Двери, что заперли
счастливых детей

<https://litres.ru/74668452>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они хотят видеть Ангела, что спасет их мир. Я хочу выбраться из клетки. Бетонного кладбища надежд без входа и выхода.

Но хочу ли я ради спасения уничтожить полмира?

И способен ли этот Ангел помочь мне?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Black White

Двери, что заперли счастливых детей

Глава 1

Предупреждения от автора.

Текст и содержание могут оказаться неприятными для сильно впечатлительных людей. **Книга НЕ рекомендуется тем, кому НЕТ 18 лет!**

Автор не несет ответственности за ваше состояние после прочтения.

Метки и предупреждения о содержании:

1. Насилие над несовершеннолетними
2. Психическое и физическое насилие
3. Упоминание и описание пыток и всего, что с ними связано
4. Упоминание и описание смертей
5. Религиозные противоречивые темы
6. Отсутствие морали и эмпатии у некоторых персонажей
7. Упоминание и описание анатомической составляющей человека не в научной и познавательной деятельности

8. Описание устройства сект (НЕ на научных данных)

9. Описание жестоких ситуаций

Автор ни к чему не призывает и ничего не пропагандирует!

Это **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** литературное произведение, которое не стоит воспринимать всерьез.

Если Вас это еще не отпугнуло, то приятного чтения.

Здесь нет часов, даже фальшивой ночи. Сколько прошло времени? Слишком бесполезный вопрос для той, что потеряла возможность определять его. Единственная здравая мысль, оставшаяся в моей голове - чтобы это все прекратилось. Я нахожусь здесь очень долго. Вспомнила, у меня появилась соседка. Уже не долбит в дверь и не кричит, целое достижение для новенькой.

Я медленно встала со скрипучей кровати. Подойдя к решетке в стене (хотя больше похоже, что кто-то сломал бетонную стену, но оставил торчать арматуру, служившей своеобразным окном между моей комнатой и соседней) взглянула в проем. Такие же голые стены. Маленькая коробка на десять шагов в длину и ширину. Похожего «окна» нет, но стоит кровать с полу прогнившим матрасом и ржавыми пружи-

нами. Железная дверь, четко по середине стены, справа от меня. Ее отпирают только чтобы вывести на обед или новый эксперимент.

Обитательница коробки сидела, сжавшись в клубок, на кровати. Самая обычная девочка, лет 8-ми, наверное? В этом месте никогда не бывает кого-то старше двенадцати, кроме врачей в белых халатах. Думаю, она давно меня заметила, просто боится шевелиться.

- Тебе уже дали номер? – Тихо спросила я.

- Я хочу домой...

- Увы, дома у тебя уже нет. Чем быстрее забудешь все «до», тем проще будет существовать в «здесь».

Я мельком взглянула на ее ногу. Такой же бинт от щиколотки до колена, как и у меня. Жаль, бегать она теперь не сможет. Один из врачей как-то объяснил, что всем новоприбывшим перерезают связки на одной ноге, так их проще ловить, потому что теряется способность к бегу и быстрому передвижению. Можно глупо и жестоко считать это великим посвящением. «Добро пожаловать», только такой надписи не хватает на пострадавшей конечности.

Ничего особенного она мне сказать не хочет, да и что скажет? Как там наверху (если мы вообще снизу) интересно и красиво? Из какого приюта ее забрали? Не имеет смысла такая информация в бетонных стенах без выхода и окон. Вскоре и ее имя забудут, если его хоть кто-то знает, будет только номер. Три проклятые цифры, заменяющие нам все другие

наименования.

Через какое-то время железная пасть (дверь) открылась. Видимо наступило время обеда. Девочка в соседней комнате еще больше вжалась в стену и матрас. Пройдет, когда-нибудь она перестанет бояться, и сама будет выходить. Не хочу смотреть как ее силком вытаскивают из комнаты. Я вышла наружу, прикрыв глаза. Проходя мимо своей двери, я взглянула на табличку, где обычно висит листок с номером. 306 - красивая цифра. *Мой номер, мое имя, мое обозначение.*

Когда длинный коридор кончился, я вышла в большой зал с кучей столов. Столовая, почти единственная мирная территория. Нам запрещено долго здесь гулять, поэтому комнату в шагах не мерила. По середине стены, между двумя коридорами, белая лестница. Вверх и вниз. Я была только на нижних этажах, что на верху не представляю. Думаю, такие же бесконечные коридоры.

Я села за один из белых столов. В железной плошке что-то похожее на кашу и кусок хлеба. Мальчик из старых экспериментов говорил, что давали еще чай, но это быстро прекратилось. Теперь стоит надеяться хотя бы на воду. Не страшно. Здесь быстро ко всему привыкаешь. Подобие еды, как обычно, без вкуса. Не противная, просто никакая. Вокруг снуют врачи в белых халатах. В столовой редко бывает много детей, сегодня нас всего десять. Ела небыстро, не сильно хочу возвращаться в «клетку» - слишком грустно и скучно, здесь хотя бы есть другие подопытные, можно рассматривать

их. Я медленно встала и отнесла свою «тарелку» на другой стол для грязной посуды. Брожу по коридору назад, меня никто не гонит, можно немного погулять. Сидеть в «клетке» очень утомительно. Коридоры ничем особо не отличаются от наших камер: бетон, пару трещин, лампочки, воткнутые внутрь потолка, пол из черно-белой плитки, выложено шахматами. Босым ногам довольно холодно, да и белая сорочка толком не греет. Я повернула голову в сторону железных табличек. Кое-где бумажки с номерами еще остались, но мне прекрасно известно, что никого там нет. Недавно это крыло опустело, я лишь скромно надеюсь, что навсегда. Как глупо еще на что-то надеяться в таком месте.

Прохожу мимо своей камеры. Табличка «306» еще на месте. Однажды я пыталась оторвать эту несчастную бумагу, одного из врачей это сильно разозлило и меня перестали выпускать вовсе. Как давно это было? Между вчера и несколько месяцев назад. Я зашла в комнату своей новоиспеченной подруги. Соседка сидит на кровати, не похоже, что она вообще спускалась с нее и куда-то ходила. Ноги свешиваются вниз, даже не могут достать до пола в силу роста, поникший пустой взгляд заплаканных глаз, в свете желтой и тусклой лампочки девочка бледная, почти белая. В какой-то степени красиво. Маленькие ручки скребут бинт около колена. Я залезла к ней на кровать, подогнула ноги под себя, в надежде их согреть. Не думаю, что она заговорит, но мне приятно просто быть рядом с кем-то, холодные стены не самые доб-

родушные сожители и собеседники. «Интересно, если я до нее дотронусь, она будет теплой или такой же холодной?»

- Как тебя зовут? – более абсурдного вопроса я не могла придумать, но слишком соскучилась по голосу человека (врачей я людьми не считаю).

- Мелисса или Мила. А тебя? – почти шепотом произнесла новая знакомая, она все также смотрит в пустоту, только рука продолжает драть в клочья несчастный бинт на ноге.

- Не знаю...306-ть, если тебе будет проще.

- Как можно не знать собственного имени? – Она повернулась в мою сторону и зеленые глаза осмотрели меня, словно только поняли, что рядом кто-то есть. «Все это время они были зеленые? Красиво, грустно, что из-за лампы не видно было.»

- Легко. Ни у кого нет имени, только номер... Со временем оно забывается, а число остается.

Мелисса снова опустила голову, на ее колено упало пару слез и тут же исчезли, скатившись вниз по ноге. Новенькие всегда часто плачут, не могут так быстро понять, что именно с ними произошло. Я обняла ее. Мелисса теплая и мягкая, совсем как игрушка, у нее еще даже кости не видно. Рукав моей сорочки мокнет от слез, не страшно. Я просто опустила голову на ее плечо и продолжила обнимать, словно всегда так и должно быть. Так приятно.

Лампочка горит. Я лежу на левом боку своего матраса и

тщетно пытаюсь уснуть. Я прижимаю к себе руки, чтобы согреться. Няня из приюта говорила, что от жары можно быстрее уснуть. Перед глазами возник белый халат, почему ночью всегда все вспоминается?

Кажется, это был один из первых экспериментов. Парочка врачей весело смотрела на меня сверху вниз. Помню только, что рисовала карандашами, когда один из них нагнулся так, чтобы я могла видеть его лицо. Довольная улыбка от уха до уха, горящие глаза. Он не выглядит, как тот, кто голодает, не выглядел так, как мы.

- Мы возлагаем на тебя большие надежды, постарайся...
— Он сделал паузу, словно не мог подобрать слов, - продержаться немного дольше остальных, хорошо?

Он прошел за мою спину и положил руки на плечи, сжимая так, что мне показалось, будто мне сейчас сломают кости. Я подняла голову от листа бумаги: все присутствовавшие выглядели, как умалишенные. Улыбались и смотрели на меня. Врач, держащий мои плечи, говорил что-то еще. Меня пугали не столько слова, сколько тон, с которым они произносились. Полный восхищения и чистой надежды, леденящая уверенность в своей правоте. Именно в этот момент я впервые осознала, что никогда не смогу покинуть это проклятое место, бетонная клетка без выхода и входа.

Врачи в тот день, пытались объяснить, что здесь происходит. Они хотят увидеть божество, то что сможет уничтожить

прогнивший и грешный мир, а они ему в этом помогут и станут верными воинами. Каким-то образом я должна призвать этого священного ангела-спасителя.

Я не хотела ничего...

Спустя время я поняла, что если получится это сделать, то они умрут самыми первыми и больше не будет экспериментов. Единственная проблема – призвать его. Ничего не понимая не в их словах, не из тех данных, что можно подсмотреть в оставленных на столах документах.

Пока моя голова пыталась погрузиться в сон и одновременно вспомнить все, в «окошке» появилось лицо Мелиссы. Бледная и непричесанная, даже так похожа на фарфоровую куклу. Я повернула голову к ней. Пару секунд она стояла неподвижно, может из-за неяркого освещения думала, что я сплю.

- Глупо, наверное, спрашивать, но что здесь происходит?
- Эксперименты... Не знаю, что конкретно ты хочешь услышать, но врачи здесь далеко не желают тебе добра. Они пытаются призвать какое-то божество... Не знаю. Из всего, что я слышала могу сказать только, что ничего у них не получается. Не имеет смысла тебе это знать, лучше ложись спать и наслаждайся минутами покоя.

Я отвернулась. Более чем уверена, что она хотела узнать много чего еще, наверняка в ее голове тысячи вопросов. Ни

один мой ответ не даст ей то ощущение спокойствия и безопасности, которое она пытается найти в этом бессмысленном диалоге. Нужно просто смириться и...больше ничего. Это место – кладбище надежд и мечтаний.

- Ты тоже приютская? – вдруг спросила Мелисса.

- Из ребят, с которыми мне довелось пообщаться, все здесь приютские.

- Как думаешь, мы сможем...

- Нет, не сможем! – Я резко вскочила с кровати. – Я прекрасно знаю, что ты хочешь спросить. Это глупо! Здесь нет выхода, смирись, перестань думать, что все еще может наладиться. Никто не придет и не спасет! – Мои крики сильно напугали Мелиссу, она отошла на пару шагов от «окна» и огромными круглыми глазами смотрела на мое дергающееся от воплей тело.

Энергия во мне также быстро исчезла, как и появилась. Я осела на кровать и опустила голову, кожей чувствуя тот страх, что сейчас творится в голове у Милы. Не жалею ни об одном сказанном слове, я ведь не соврала. Мне жаль всех, кто здесь есть, кроме самих врачей. Я вдруг вспомнила, что когда только сюда попала, было много неразумных детей. Они не могли толком говорить, путались в своих ногах, кричали потому что им хотелось так сделать. Теперь таких не осталось. «Неэффективные» - как-то сказал один из докторов, пытаясь в короткий срок объяснить новой медсестре, все что только можно. Они стояли возле моей двери и,

несмотря на плохую слышимость, я смогла много узнать из их одностороннего диалога.

Резкий скрежет двери - повернули ключ. Железная пасть с противным лязгом отворилась, за ней показался все тот же белый халат. Врач зашел в комнату и протянул мне руку. Я спокойно пошла. Благо меня перестали торопить, и я могла в тихом темпе ковылять по коридору в след за ведущим доктором. Удивительно, но после пятого эксперимента, каждый раз, когда иду на новый, мое сознание выключается. Ничего не чувствую, просто иду. Из-за этого многое не помню, но это даже к лучшему. Не хочу знать, что с моим телом делали в очередной запертой комнате.

Длинный коридор и пустые открытые палаты проплывают мимо, мы сворачиваем налево и идем через столовую в сторону лестницы на нижние этажи. Они полностью заняты комнатами для разных тестов, на одном этаже я и вовсе не была. Спускаемся, идем вперед, третья дверь от лестницы – детская. Самая маленькая на этаже. Здесь есть игрушки, желтые обои, тусклые три лампочки. Я легла на пушистый ковер в середине комнаты. Нужно насладиться последним рубежом безопасности и спокойствия. Железная дверь закрылась, оставив меня. Слева стоит маленький шкаф в три широкие полки с книгами. Раскраски (но нечем красить, забрали карандаши после несчастного случая), книги со сказками, любовные истории для подростков, даже какие-то учебники есть. С боку лежал пыльный плюшевый заяц с оторванным

ухом, ему подмигивал одноглазый медведь.

В голове появляются образы прошлых моих друзей. Слишком смазано, чтобы разобрать детали, но все еще приятно. Кто-то улыбается, девочка толкает меня в бок. Раньше были совместные палаты на четыре человека. Как давно это было? Нас было четверо, две девочки, включая меня, и два мальчика. Один был такой высокий, что я доставала ему только до груди. Во всех моих оставшихся воспоминаниях мы что-то обсуждаем, но совсем не помню что. Они так часто улыбаются, я только сидела на кровати и иногда обнимала кого-нибудь рядом за плечи. Жаль, что они слишком быстро покинули это место, сначала самый высокий, потом милая щекастая девочка, потом мальчик с веснушками. Никто больше не улыбался, стало ужасно тихо. Тогда я все надеялась, что новое открытие железной двери, впустить их всех внутрь, но никто не заходил кроме врачей. *Никогда.*

Я смутно заметила носки ботинок у своей головы. Видимо, мои пару минут уже кончились. Я снова погрузилась в свои мысли. Стараюсь вспомнить как можно больше, все детали. Где-то отдаленно чувствую, что мое тело подняли на руки и несут. *Пожалуйста, пусть я останусь здесь, вечно смотреть этот несчастный фильм со всеми остальными, даже если я толком не помню их лиц и голосов.* Кто-то хлопал меня по щеке. Медленно открываю глаза. Слишком темно, я ничего не вижу. Мои руки и ноги пристегнуты к полу. От кисти до локтя, какие-то липучие кружочки и от

них провода в самую темноту. Возле моих ног стоит человек, без халата. Не молодой мужчина, в брюках и рубашке, руки в карманах. Серые глаза спокойно смотрят как я копаюсь, пытаюсь порвать ремни или хотя бы ослабить.

- Помогите, пожалуйста.

Мужчина продолжил стоять, только теперь выглядел более задумчивым. Он повернулся в сторону.

- Камера включена? – в темноте тут же появилась маленькая красная точка, она мигала, и кто-то из темноты сказал, что теперь да.

- Вы говорили, что перед Богом все равны. Значит и вам будет также плохо, – я больше не пыталась выбраться. Спокойно лежала и зло смотрела на этого мужчину, в моей голове то и дело проносились сцены, как я бью его стулом или книгой. Да чем угодно, лишь бы ему было больно.

- Разумеется, милая. – Он посмотрел мне в глаза, его голос звучал даже успокаивающе, не так как у других врачей здесь. – И уж поверь, мы будем первыми кто попадет под великий суд и божью расплату. Только вот, каждый человек находящийся здесь, готов к такому исходу. И надеюсь, что скоро это все кончиться. Знаешь, я так устал смотреть за этим всем... Столько лет прошло...

Он повернулся и ушел в темноту.

Что-то резко кольнуло мою руку, прямо под самым кружочком. Еще. Еще. Потом еще. Все сильнее, с каждым разом ударов было все больше, позже они распространялись

на всю площадь покрытых кружочками рук. Как больно! Все тело дергается, что за крики, неужели это мой голос? Ужасно больно, словно на руки вылили кипяток и пронзают иглами. Ничего не вижу, сплошная тьма и боль. Хватит!

Больно . Больно . Больно . Больно . Больно . Больно !
БОЛЬНО !

- Ты очень милая. Милее тех, кто был тут до тебя. – женский голос. Такой искаженный, словно старая пленочная кассета. Она запинаясь и пропадала во время своей реплики. Похоже на компьютер, только ему дали чувства.

Что это? Мой затылок снова встречает бетонный пол – не могу перестать дергаться, откуда у меня столько сил кричать.

У моей головы, почти вплотную, вдруг появилась девочка. Или она уже стояла там? Носки черных туфель почти упираются мне в макушку. Она намного выше других детей, взрослая, но выглядит по-детски мягкой и хрупкой. Черный сарафан и белая рубашка, аккуратный бантик из ленточки вместо галстука, бледные колготки и огромная плюшевая голова зайца. Обычная розовая плюшевая голова. Девочка похожа на игрушку, только ужасно корявый и противный компьютерный голос.

Ничего толком не вижу из-за слез, но не могу перестать смотреть на нее. Помогите...

- Бедное, милое дитя. Я помогу тебе, - девочка села на корточки и наклонила плюшевую голову еще ниже, заглядывая мне прямо в глаза, пластиковыми пуговками. – Больше

не будет больно. *Теперь только счастье.*

Где-то разбилось стекло, грохот, крики. Ток больше не шел по проводам. У меня не было сил пошевелиться, я лежала и смотрела в темноту над головой. Потом стало тихо и спокойно.

Я поправляю рукава рубашки, глупо выглядеть опрятно среди руин, но это успокаивает и позволяет вернуть ощущение контроля над ситуацией. Стекло, за которым я и другие сотрудники стояли, разбито вдребезги, вся аппаратура валяется где попало, еще не факт, что она уцелела. Объект 306 лежит там же на полу, видимо, потеряла сознание. Так даже проще.

- Доктор Вандер? – Ко мне подходит один из младших сотрудников. Молоденький парень с веснушками, выглядит напуганным, но мне нет особого дела до этого.

- Я вас внимательно, если это важно. А, и прошу занести в протоколы удачность эксперимента. Рады увидеть свое божество во всей красе? – Я инстинктивно улыбаюсь, в какой-то малой степени радостный, что все получилось.

- Честно признать...не очень, - парень наклоняет кудрявую голову в бок и отводит глаза, ему явно неловко. - Вы, правда так уверены, что все прошло хорошо?

- Сразу видно молодой и зеленый, - устало вздыхаю. – Ес-

ли бы отчеты читал, узнал бы, что у нас были и более страшные последствия. Как-то эта сущность убила парочку сотрудников, а испытуемый, гонимый страхом, чуть все тут не разнес. Благо умер раньше, чем поднялся с этажа.

Паренек рядом громко сглатывает и начинает теревить собственные заусенцы на пальцах.

- Вот что. – Глубоко вздыхаю. - Мне плевать, что тут произошло, главное – все вышло. Распорядись, чтобы эту девочку перевели на этаж содержания, другие сами разберутся, что с ней делать.

Я медленным шагом вышел из комнаты. Как главврач и в частности заведующий всем этим кошмаром, могу себе позволить не тратить время на разъяснение всех аспектов нашей работы. Нужно будет лично проверить состояние 306-той. Ну, и зайти в гости к остальным таким же «счастливым». Соберу данные за последние две недели и вышлю письмами к нашим дорогим спонсорам, а то они перестанут деньги приносить, а без них и смысла работать нет.

Спустя час я медленно брожу по этажу содержания. Другие объекты явно не рады моей персоне и все чаще жмутся в углу, услышав мои шаги. Здесь также есть парочку комнат для искусственной комы, чтобы те, кто на грани смерти, могли восстановиться без лишнего стресса. Последняя такая комната по коридору теперь принадлежит нашей уважаемой 306-той, ее не так давно перевели туда. Моя задача только сделать обход.

За 8 лет работы, если честно, страшно устал здесь находиться. Каждый день одно и то же. По два-три эксперимента, наблюдение объектов, обход и обратно спать. Мне кажется, я и на поверхность последний раз поднимался лет так 5 назад.

Я заглянул в последнюю комнату от 306-той. Увидев сжатый в углу комочек очередного ребенка и мне вдруг вспомнилось как я вообще здесь оказался, ради благой на мой взгляд цели...

Я родился в поселке городского типа, большая часть домов – обычные деревянные домики без красоты, только практичная ценность. Одно название «город». Соседский мальчик Тим, мой тогда друг, предложил съездить к дальней речке. Нам обоим было по десять, удивительно, что нас отпустили одних. Мы взяли велосипеды и поехали по заброшенной тропинке через густую часть леса. Как самые гениальные дети, решили, что необходимо выяснить, кто быстрее. Мы устроили гонку и, когда начало речки стало показываться вдалеке, Тим стал исполнять разные трюки. Он отпустил руль своего велосипеда и расставил руки в стороны, чтобы держать равновесие.

- Тут дорога плохая, держись пожалуйста.

- Да ладно! Зато я так могу, а ты нет! – Тим улыбался во все тридцать два зуба. Он ехал впереди и ему пришлось заглянуть за плечо, чтобы его фразы долетали до меня. – Я скоро еще на заднем колесе научусь ездить, вот это круто

будет.

Пока он смотрел на меня, ни один из нас не заметил коряги посередине тропы. Тим со всей скорости врезался в нее передним колесом и отлетел вперед, не поймав опоры. Дорога была ухабистая, а в этом месте еще и переходила в небольшой склон, чего мы знать не могли. Тим летел калачиком, собирая все возможные выступы и бугры на дороге, в итоге, врезавшись в дерево у подножья склона, где и остался лежать. Я слез с велосипеда и побежал вниз, к дереву.

- Эй! Ты как?

Я был достаточно близко, чтобы увидеть разбитую коленку друга, когда тот медленно повернулся ко мне и сел. Его нога угодила аккурат на валун и ветки. По его щекам текли слезы.

- Т..ты...ногой пошевелить можешь? – Пролепетал я начиная дрожать от страха, вся нога ниже колена была в крови.

Мелкие подергивания поврежденной конечностью конечно получились, но это вызвало новую волну боли из-за чего мой друг только сильнее заревел. Я в панике стал думать, что делать. Мы раньше к ранам прикладывали подорожник, но то были царапины, а тут куча крови, да и самого спасительного растения я нигде не видел. Нужно было позвать на помощь. Я закинул руку Тима себе на плечо. Он не мог наступить на больную ногу и еле прыгал на второй. Мне удалось дотащить его до моего велосипеда на холм, дальше мы уже ехали на нем. Я крутил педали без остановки, на максималь-

ной скорости. По всей тропе за нами была маленькая кровавая дорожка. Первым делом я отвез Тима к его дому и стал колотить во входную дверь, что только силы есть. Перепуганная шумом бабушка сначала даже не поняла, что от нее хотят. Я так испугался и за друга, и за себя, что мои слова превращались в быстрый несвязанный лепет.

В конечном счете Тима отвезли в больницу. Наши велосипеды закрыли в гараже, а меня не выпускали из дома две недели. Мне было не важно, что я сижу дома в летние каникулы, меня напрягало то, что не было возможности хоть как-то связаться с Тимом. Номера больницы я не знал и позвонить с домашнего телефона не мог, а личных мобильных в то время еще не было, да и откуда в такой глуши? Мои опасения и страхи были даже слабы. Через месяц Тим приехал обратно. *Почти весь*. Мама объяснила, что встреча с камнем разодрала ему коленку. Почти до кости, он потерял много крови, пока я вез нас на велосипеде. Это было бы ничего, но пока я в панике думал, что делать у холма, сидение на земле занесло в рану Тима какую заразу. (Сейчас-то будучи врачом я прекрасно знаю, что именно случилось.) В итоге, из-за грязи началось гниение и воспаление и моему другу ампутировали ногу до самого бедра. Он навсегда стал инвалидом.

После этого случая, я твердо решил, что узнаю, как можно больше о разных заболеваниях и инфекциях. Стал много читать медицинской литературы, и не только детского формата, лучше всех в классе знал биологию. Но жестокая судь-

ба решила, что ей необходимо добить маленького ребенка, поэтому, когда мне исполнилось 15, мама заболела раком. В нашей глуши не было возможности узнать о нем на ранних стадиях, а на третьей уже поздно, что-либо делать. Мама умерла за две недели до моего шестнадцатилетия.

Меня бесило, что нет средства если уж не остановить, то хотя бы грамотно и точно замедлить такую страшную болезнь. Я поступил в медицинский колледж в Бостоне, потом университет. Стал ученым и, как многие заверяли, мог бы поменять будущее. Только мне не повезло родиться «бессердечным». Так меня называли коллеги. Испытание на мышках и крысах давали конечно результаты, но это было мало, долго и не всегда точно. Я был сторонником того, что эти же тесты можно проводить на заключенных или добровольцах. За такие бесчеловечные идеи меня выгнали из трех разных собраний ученых, в последнем и вовсе чуть ли не врагом народа объявили.

Удивительно, что мучить грызунов, что и так живут три понедельника, – это норма, а людей, что совершили не одно ужасное преступление – бесчеловечный поступок.

Не помню, как именно, но я нашел место, где работаю по сей день. «Ангельские крылья» - до тошноты пафосное название обычной секты. Я прекрасно знал, зачем и что они делают, но не мог отказаться от шанса без осуждения заниматься работой. Я тестировал препараты, любыми способами отводя из головы мысль о том, *что и с кем я делаю*. Ста-

рался не думать о тех детях, что из раза в раз молили меня о спасении и милосердии. Мои эксперименты дали незначительные результаты: мне не хватало оборудования и знаний в некоторых областях, да и простого человеческого общения. Вернуться к обычной жизни и пустить все это на самотек возможности не было. Я знал больше других ученых и видел намного больше любого врача. Мне уже не было места в обычном мире, с другими людьми. Я остался здесь, в заброшенном бункере, в безумной секте без выхода и надежды. Как там говорят некоторые объекты? Кладбище надежд и мечтаний?

Впереди что-то громко хлопнуло, выводя меня из мыслей. Погруженный в себя я не сразу среагировал. Выстрел? Я развернулся и резко побежал к комнате 306-той. Врываясь в комнату, вышибая и так ржавую дверь, я застаю удивительную картину. Тот напуганный парнишка, что час назад боялся мне лишнее слово сказать, сейчас стоял с пистолетом в руках. Он застрелил одного из сотрудников и судя по красному пятну и брызгам на стене, его вряд ли спасти. Я поднял взгляд с трупа на парня.

- Какого черта ты делаешь?

- Если х-хоть на шаг п-приблизитесь – застрелю! – Его голос дрожал и запинаясь. Парень сделал шаг в сторону к кровати, где лежала 306-ая, не опуская пистолета вниз. – Правильно говорили, что вы секта!

- Так ты из полиции? Давно к нам шпионы не заходили.

Надо остановить этого идиота, пока он не вызвал своих помощников. Мы слишком глубоко под землей, даже с рации не позовешь никого. Ему необходимо подняться минимум еще на три этажа, чтобы поймать связь, только этого уже никто не позволит.

- Хотел побыть героем, так нужно было делать это позже. Даже с кучей патронов, тебе отсюда не уйти. - Я делаю медленный шаг ему навстречу.

- Плевать! У меня достаточно и патронов, и сил, чтобы выбраться и вы, доктор Вандер, будете первым кого я убью с удовольствием. – Мальчуган делает предупреждающий выстрел в сторону моих ног и подходит к коробке, от которой питается система искусственной вентиляции легких, а заодно показываются жизненные показатели, и выдергивает все провода, что там есть. Прибор издает протяжный писк отсутствия пульса, теряя все способы фиксации данных.

Ну нет, я столько сил угробил на этот проект, чтобы так легко сдаваться. Кому-нибудь уже хватило, я надеюсь, ума рассказать, что произошло и позвать какое-никакое, но подкрепление других сотрудников? Я делаю резкий выпад вперед и в сторону. Быстрое движение сбивает с толку сосредоточенного парня, из-за чего новый выстрел попадает косо в стену, а не в мое плечо. Он дергается, пытаясь отмахнуться от меня, его локоть летит в сторону моей груди. Я чуть отклоняюсь, одновременно сокращая дистанцию. Мои действия,

явно вывели его из себя, только парню не хватает сноровки ударить. Левой рукой я хватаю его локоть и сжимаю. Теперь он стоит боком ко мне, мне полностью открыты для удара его ребра и живот. Правой рукой выкручиваю ему запястье и давлю на точку между большим и указательным пальцами, чтобы пистолет с глухим стуком упал на пол. Не ослабляя хватку, отвожу его руку вниз и сторону, чтобы лишить противника возможности использовать ее. Парень пытается вырваться, резко дернув плечом назад, я перехватываю оба его запястья и отпихиваю пистолет ногой, подальше, чтобы он не мог его поднять. Пока я следил за тем, куда откатывается пистолет, мальчуган резко выбрасывает ногу вперед и бьет меня под дых. Удар, точно в солнечное сплетение, выбивает весь воздух, и я сгибаюсь пополам, на мгновение отпуская чужие запястья. Перед глаза потемнело и дышать стало сложнее, но я с усилием делаю вздох сквозь сжатые зубы. Атака хорошая, только поздно. Я достаточно потянул время и не дал ему уйти, чтобы двое моих коллег уже схватили его. Они крепко держат чужие руки за спиной, из-за чего парню приходится немного сгибаться пополам.

Я дошел до пистолета и поднял с пола. Как же надоело. Дуло уставилось четко на лоб мальчугана, мои коллеги стоят по бокам от него, так что пуля на вылет никого задеть не должна.

- Ты милый парень, только явно сноровки не хватило. Тебе бы нервов побольше.

Прозвучал последний на сегодня выстрел.

Я заканчиваю свой рассказ, делаю новый глоток чая и ставлю кружку на стол. В моем кабинете есть мягкий диван, где сейчас сидит мой собеседник.

- И что же дальше? – Игриво произнес мой приятель. Мистер Донсон, наверное, единственный человек, с которым я могу спокойно разговаривать. По совместительству, он один из основателей всего проекта и часто общается со спонсорами, поэтому приходится рассказывать буквально все, что происходит. Он не молод, но в свои 43 никто не дает ему больше 36, ухоженный и вечно манерный, что иногда от лести зубы сводит. Каштановые волосы всегда зализаны назад, а в глазах искорки играют. Донсон ухмыляется и делает медленный глоток из кружки, в ожидании продолжения истории.

- Да ничего интересного, - стул скрепит от моего веса, когда я подвигаюсь ближе к столу с чайником. - Я полазил по его вещам, узнал имя, но толку с него...зеленый: информации нет, полезной так тем более. Я так предполагаю, он должен был убедиться в незаконности наших действий, и донести на верхушку.

- От его смерти могут быть большие проблемы. – Донсон улыбается еще шире, когда-нибудь я точно зашью ему рот. У этого черта явно уже есть план, которым он ни с кем не поделится, но будет ходить, как гордый павлин.

Я пожимаю плечами и наливаю новую порцию горячего напитка в свою кружку.

- Не моя забота. Я лишь руковожу состоянием подопытных да эксперименты провожу. Кто там будет разбираться с этими «нюхачами», работа других. Мог бы сказать спасибо, что в *этот* раз, все обошлось двумя трупами. А, 306-тую подключили обратно, поэтому если расскажешь эту чудесную историю кому-то, то уточни, что все в порядке.

Я медленно открываю глаза. Потолок желтый, но не яркий. Стоп. Желтый? Я медленно сажусь. Тело не болит и вообще чувствую себя прекрасно. Сгибаю и разгибаю руки, ощупываю тело на наличие синяков или торчащих костей, мало ли, что со мной произошло. Убедившись в своем здоровье, я впервые осматриваю новое место. Это комната, только без стен. Небо, можно ли его вообще так назвать, пастельно желтое, без облаков. Пол, как в моей камере, черно белый и выложен плиткой в шахматном порядке. Рядом какой-то красный гриб в белую точку, но он намного больше обычного. Я вращаю головой, стараясь увидеть как можно больше. Недалеко стоит стол, застеленный скатертью, небольшой сервиз. Повсюду детские игрушки, но все они поломаны. У кого-то нет ноги, глаза, головы. Или выглядит таким грязным, что цвет одежды просто невозможно определить.

- Тебе нравится это место?

Опять этот скребущий компьютерный голос. Я резко поворачиваю голову в сторону гриба. На его шляпке сидит та самая девочка с головой кролика. Она подтянула колени к самой груди и уперла в них локти, положив плюшевую голову на ладони.

- Где я?

- Вопрос неверный. Лучше спроси, почему твоя голова спроецировала именно это пространство.

Какое пространство? Что вообще происходит? Я поднимаюсь на ноги. Это очередной сон? Мне уже снилось подобное, но давно, когда еще могла видеть сны. Только теперь понимаю, что это не стены отсутствуют, весь пол под ногами словно парит в воздухе.

- Как отсюда уйти?

- Ты хочешь быть счастливой? – девочка с головой кролика все еще не двигается, даже создается ощущение, что ее голос раздается ото всюду, а это пустая оболочка.

- Что?

- Я могу помочь тебе. Вопрос только, хочешь ли ты этого. – Она встала, теперь мне необходимо сильно закидывать голову, чтобы увидеть ее. – Я давно слежу за всем, что было в том бункере. Взрослые так сильно хотят моей помощи, но просят неверно. Мне жаль то, как вас используют. Маленькие души не должны такого чувствовать.

- Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь. Как мне отсюда выйти?

- Пока твоё тело не проснется, мы не сможем уйти. Увы, тут я бессильна. – Девочка спрыгнула с гриба и прошла мимо меня к столу с сервизом. – Давай вместе насладимся спокойствием пока можем. Думаю, скоро мы проснемся.

- Окей? Я сделаю вид, будто доверяю тебе, но тогда может объяснишь немного?

- Прошу присаживайся, – она указала на стул напротив. – Это будет длинный разговор, постарайся быть внимательна.

- То есть, ты – Бог? – Неуверенно уточняю я. Слушать весь шедевродиалог моей собеседницы, все равно, что пытаться разобрать книгу на другом языке, со знанием пары слов и фраз.

- Неверно. Я – ангел, а не Бог.

Плюшевая голова наливает в чашки новую порцию чая. По ощущениям мы беседуем уже минут 20, но вода в нем ни разу не кончилась и даже не остыла. Не то что бы чай был вкусный, он не имел никакого вкуса в принципе.

- Одно другому не мешает! – Я тяжело вздохнула. - Допустим. Это, - я обвела пальцем пространство вокруг. – Мое искаженное сознание?

- Проекция. Но можно и так сказать. – Плюшевая голова берет фарфоровую чашку и прикладывает к ниткам в виде рта у зайца, имитируя глоток. – Мы оказались здесь, потому что твоё тело отключилось и, насколько мне удалось выяс-

нить, оно сейчас в коме.

- А почему эта проекция такая странная?

- Мне по чем знать? Твое сознание. Мой образ тоже ты создала, но это не самая худшая вариация того, что у меня было.

- Были другие? И как тогда ты выглядишь? – Я ради приличия тоже делаю глоток и заедаю печеньем. Печенье имеет вкус, но очень прозрачный и неуловимый, будто просто не могу его вспомнить.

- Цифра 306 тебе ничего не говорит? До тебя было минимум 305 других. И настоящего облика у меня нет, я бесформенное существо, как вы люди привыкли такое называть. Я есть во всем и ни в чем одновременно. Как воздух. – Плюшева голова поправила ленточку на шее, заменяющей галстук, и сложила руки на коленях, как прилежная ученица, пристально смотря на меня искусственными глазками.

На голове зайца даже нет отпечатка от напитка, а вся девочка выглядит ухожено и аккуратно. С каждой минутой она все больше напоминает куклу. Очень реалистичную куклу. Все время нашего разговора она монотонно пыталась объяснить, что такое Бог и что в целом происходит в этом проклятом месте. Не сказать, что стало понятнее, но лучше это, чем ничего. Я уже даже привыкла немного к проекции, теперь она не кажется такой абсурдной.

- Сколько еще нам здесь быть? – Я уперла пятки в край стула и положила на колени подбородок. Было немного

грустно: в этом мире все ощущения очень притупленные, я даже не могу понять температуру своего тела или текстуру скатерти. Здесь нет звуков, вообще никаких, помимо наших голосов. А слушать вечный скрежет моей собеседницы не очень приятно.

- Пока твоё тело не проснется. У меня нет возможности точно определить, когда тебя решат разбудить. Но у меня есть идея, чем нам заняться! – Она победно подняла указательный палец вверх и склонила голову немного набок. - Раз это твоё сознание, то ты здесь и хозяйка, можно делать все, что угодно. Чего бы тебе сейчас хотелось?

Плюшевая голова немного наклонилась над столом с явным интересом ожидая моего ответа. За время разговора она еще ни разу не звучала такой веселой. Сквозь помехи и скрежет, явно слышались нотки озорства.

«Чего бы мне хотелось?..» Я задумалась. С тех пор как оказалась вместе с врачами, мне всегда хотелось только оказаться как можно дальше отсюда. Чего бы я хотела?

На скатерти в одно мгновение появился большой торт со свечами и глазурью. Я даже не успела моргнуть, как сладость появилась из ниоткуда. Белая сладкая глазурь стекала по розовым бортикам, сверху щедро были посыпаны ягоды. На нем красовалось ровно 12 свечей. Несмотря на то, что он был довольно неаккуратным, торт хорошо дополнил наше имитированное чаепитие.

- Какой милый торт! А почему именно он?

- Когда я еще пыталась определить сколько дней прошло, я примерно представила свой день рождения... Мне тогда очень хотелось получить торт... В нашем приюте было мало детей, поэтому раз в год на чей-то день рождения, мы получали по кусочку, его пекла наша няня. Из-за малого количества денег, мы не могли позволить себе праздновать каждый день рождения, но няня выбирала одного по списку, поэтому каждый хотя бы раз праздновал свой праздник.

Я грустно улыбнулась. В голове возник образ этого маленького действия, который для нас был все равно что день флага для страны. Все ребята сначала сделали бы из бумаги украшения - у именинников они всегда были разные по цвету. Мы бы точно пару раз поссорились, потому что все выглядит не так как хотели, а самые высокие ребята вешали бы украшения не там, где надо. Везде бы валялись клей и карандаши, что кто-нибудь обязательно упадет или прилипнет к полу. Девочки бы бегали и старались быть самыми красивыми: возились с лентами и запачканными платьями, усердно пытаясь придать нарядам опрятный вид. Няня весь день бы носилась по кухне и «сражалась» с тестом и кремом, что под конец дня просто садилась бы в кресло и не смогла бы с него встать. Мы всегда честно делили торт - чуть ли не по линейке - нас учили, что все должно быть поровну.

- Эй, плюшевая голова...

- Мм?

- Мне нужно просто подумать, чтобы создать что-то?

- Да, но сначала, попробуй торт.

- Он такой же безвкусный, как и чай с печеньем. Он... просто красивый. – Я убрала ноги со стула и посмотрела на девочку напротив.

- Попробуй. – Она пододвинула к моей руке ложку.

Я взяла ее и, отломив самый большой кусок, запихнула его в рот. Вкус просто взорвался, не в буквальном смысле, но мне казалось, что я растворилась в нем. Перед глазами сразу возникли ребята, что никак не могли ровно поделить угощение, и яркие неровные украшения на стенах, и ласковая улыбка уставшей няни. Я снова оказалась на празднике. Сидела за одним столом с остальными. Многие улыбались и отовсюду был слышен смех и поздравления. Было ощущение, что я просто смотрю запись с кассеты, на которые нам записывали мультики. Только я стала частью этой записи. Ложка выпала из рук, и картинка исчезла также быстро, как и появилась.

- Проекция особенна тем, что созданное тобой становится более реальным, вместе с твоими чувствами. Праздник был для тебя важный и вызывал только светлые воспоминания, поэтому вкус такой яркий. Пока ты все это помнишь, все что ты создашь здесь будет ярким и красивым.

- Но, почему тогда все вокруг, - я обернулась на полосу выстроенных игрушек, - такое сломанное и страшное?

Плюшевая голова встала со стула и подошла сзади, оставливая немного сбоку от меня.

- В приюте тоже были сломаны игрушки, потому что вам их отдавали добрые люди за бесплатно, а в бункере врачам нет до них дела, вот за ними никто и не ухаживает. Ты просто не видела другой жизни. Кафельный пол – пол твоей камеры, ты много часов считала на нем квадраты, чтобы уснуть. Желтый воздух – обои детской комнаты, самое безопасное место, потому что вам там не делали ни уколов, ни пристегивали к кроватям... - Под конец маленькой речи электронный голос девочки замкнулся, словно ей очень не хотелось говорить то, что она уже произнесла. Ее мордочка зайца опустилась вниз. – Я помогу тебе. Больше, чем другим, и больше, чем другие тебе.

- Что? Ты о чем вооб...

Она перебила меня:

- У меня есть сила, у тебя – тело. Нам нужно объединиться, как бы пафосно это не звучало.

Я повернулась в ней. Мое тело? Что за странные загадки?

- А, ты разве не можешь сама...ну, как Бог или вроде того...Я пока не разобралась как вообще ты и все вокруг работает.

- Меня нет в мире в физическом смысле. Как воздух, помнишь? Мне нужно твоё тело. Без него максимум, что я могу это сломать аппаратуру и немного побуяннить...ну, и еще кое-что, но тебе пока об этом знать не стоит.

- От меня ты что хочешь? – Мне все равно, что она хочет, что ей нужно. Просто дам то, что попросит и пусть делает.

- Согласие. Ничего больше.

- Забирай или для этого нужно какое-то заклинание, как в сказках?

Она хихикнула.

- Нет, но если хочешь, то можешь придумать и заклинание. – Плюшева голова приложила свою ладонь к моим глазам, создавая полную темноту. Ее рука не чувствовалась живой и теплой, она была никакой, как и все вокруг.

Снова открываю глаза. Плюшевой головы нет, стены есть, пол тоже. Я лежу на кровати, на удивление, мягкой. Тело болит, но притупленно, приходится аккуратно и медленно шевелиться. Комната больше, чем моя камера, справа есть еще две кровати, слева стена. Более яркие лампочки, от взгляда на них глаза режет. На стенах какие-то рисунки: от человечков до животных и странных пейзажей. На соседней кровати сидит девочка. У нее голубой короткий халат с длинными рукавами и такие же голубые штаны. На вид ей примерно столько же сколько и мне, может даже чуть старше. Она читает книгу и длинные белые волосы заслоняют большую часть лица от моего обзора. Я села на кровати и свесила ноги. Ступни нащупали жесткий коврик. Если это плюшевая голова с другой внешностью или еще один ангел – я точно сойду с ума.

- 306? Хороший номер. – Девочка закрыла книгу и положила ее на тумбочку, разделяющую наши кровати.

Новая знакомая тоже села на кровати, лицом ко мне, подогнув ноги под бедра. У нее были голубые глаза и белые ресницы. Очень красивая девочка, как из сказки. Она не выглядела сильно худой, но запястья очень тонкие.

- Альбинос. – Коротко сказала она.

- Что? – Я зажмурилась и покрутила головой, стараясь сконцентрироваться на фразах новой знакомой, слишком засмотрелась на нее.

- Я – альбинос. Поэтому так выгляжу. Это когда в организме человека с самого рождения мало или совсем нет меланина. Он окрашивает кожу, волосы и радужку глаз. Поэтому у меня очень светлая кожа, волосы белые, а глаза — голубые. В моих генах произошла мутация, и из-за этого клетки, которые делают пигмент, работают плохо или не работают вообще. И это не болезнь, которую можно «подхватить» от кого-то, поэтому можешь не бояться меня касаться. Мой номер 105. У брата 104. – Девочка указала на третью кровать, где лежала какая-то горка из одеяла.

Соседка не улыбалась и говорила очень спокойно, словно каждый день такое произносит. После объяснения стало, конечно, не сильно понятнее, но я хотя бы узнала, что она вполне себе реальная. На всякий случай, я взяла ее за руку и пощупала. Теплая и видно вены. У плюшевой головы не было вен или каких-либо неровностей на коже, да и температуры тоже. 105 не шевелилась пока я не отодвинулась обратно на свое место.

- Извини. Просто очень непривычно видеть...такую девочку.

- Все в норме. Так все реагируют. – 105-тая пожала плечами.

105-тая взяла тапочек из-под своей кровати и кинула в маленькую горку на третьей кровати. Горка зашевелилась и из-под одеяла появилась такая же белая макушка. Только волосы теперь были коротко пострижены. Это был сонный мальчик, явно нерадостный пробуждению, но он быстро встал и, уперев одну ногу в матрас, перепрыгнул на кровать соседки, усаживаясь за ее спиной. Казалось, мое присутствие его ни капли не удивило и резкий жест сестры тоже.

- Вредина. – Единственное, что он произнес и зевнул.

Я с удивлением смотрела за этой картиной. Ребята напротив меня были одинаковыми, если бы не прически, я бы даже не подумала кто из них кто. 104 только теперь посмотрел на меня. Вполне обыденно, а потом положил подбородок на плечо сестры. Не похоже, что ему вообще есть дело до происходящего.

- Ты ничего не понимаешь - это нормально. – 105-тая также расслаблено сидела, позволяя брату опираться на нее. Теперь она слабо улыбалась, почти незаметно. – Как выглядят твой ангел? Ты уже дала им имя?

- Э.. – Я замялась. Радует, что каких-то ангелов не одна я вижу. Маленькое достижение. Только почему во множественном числе? У меня их несколько может что ли быть?

- Ну, у нее черное платье и плюшевая голова кролика. Я ее так и зову: плюшевая голова.

105-тая задумалась, приложив пальцы к подбородку.

- У брата ангелы выглядят, как большая собака. Черная и ласковая, по крайней мере к нему. А у меня как принцесса и их все время окружают фиолетовые бабочки. Они высокая и тоже имеет белые волосы, а еще очень длинное платье. Я назвала их Элиза. Это мое старое имя до номера, хотя может оно и чужое. Уже плохо помню.

105-тая объяснила, что мы на этаже содержания, который находится ниже этажа с экспериментами. На этаже содержания всегда три сотрудника, которые следят за тем, что мы делаем и раз я здесь появилась, то имею ценность, то есть умею обращаться с ангелом и каким-то образом еще сохранила рассудок и жизнь. Теперь будут не просто эксперименты, чтобы причинить боль и спровоцировать нас, а тесты контроля ангелов и их способностей. Я внимательно все это слушала и с каждой новой минутой думала, что просто схожу с ума и это очередной сон. Необычная внешность моих соседей ни капельки не помогала в осознании реальности. Мне казалось еще немного и стены станут картонными или мои друзья улетят куда-то, а я просто проснусь в своей камере на развалившейся кровати. Я вспомнила Милу. Мы так и не смогли подружиться, а теперь я видимо ее и вовсе больше никогда не увижу. Жалко, она была милой.

105-тая же продолжала свои монотонные объяснения. Ее

лицо уже не улыбалось и в целом не выражало каких-либо эмоций. Она просто говорила.

- Ангелы имеют примерно одинаковые силы, но каждый действует по-своему в угоду хозяина. Попробуй как-нибудь пообщаться со своей Плюшевой головой, может они что-то тебе да расскажут.

От новой информации, которая, признаться, все еще звучала, как бред, голова немного закружилась. Меня все еще удивляло, что странная знакомая говорит об ангеле во множественном числе, хотя он вроде как у нее один. Вроде и хотелось что-то спросить, но вопрос просто не появлялся. В коридоре слышались медленные шаги, мои новые друзья резко вжались в прутья изголовья у кровати, стараясь быть как можно дальше от двери. 104-тый накрылся одеялом сестры и уже оттуда смотрел на мир вокруг. Я сидела также, нет конечно я узнавала шаги работников, но смысл прятаться? Мы в комнате без выхода, хоть на потолок залезь – достанут. В камеру зашла медсестра. Немолодая женщина в белом халате принесла большой поднос с тремя тарелками и стаканами. Медсестра поставила тарелку и стакан на каждую тумбочку и вышла, заперев дверь на ключ. 105-тая и 104-тый заметно расслабились. Последний своего места решил не покидать и стал смотреть на меня из-под одеяла. Из-за освещения и теней мне даже почудилось, что его голубые глаза светятся. По коже прошли мурашки, и я решила больше не обращать на него внимания.

В принесенных тарелках был желтоватый бульон с овощами. В стакане обычная вода. Я давно не ела супа, в нашей столовой обычно давали только кашу. 105-тая не обратила особого внимания на еду, тихо встала с кровати и, взяв книгу, которую раньше читала, медленно похромала на кровать брата. Сам же мальчик так и сидел под одеялом уже не смотря на меня. За нечем делать, я стала спокойно есть. Суп был приятным, как-то отвыкла чувствовать вкус еды. Конечно, в основном был один бульон и овощи быстро кончились, но лучше, чем ничего.

Было тихо и если в моей камере можно было прислушаться и заметить разговоры врачей или голоса других обитателей камер, то тут была абсолютно глухая тишина. В какой-то момент я даже стук собственного сердца слышала. Еда кончилась, заняться снова было нечем. С момента пробуждения тело отдохнуло, теперь я не чувствовала себя достаточно уставшей, чтобы лечь спать. Еще раз оглядела комнату. Раз на стене рядом с дверью были рисунки, наверное, есть и чем рисовать. В тумбочке ничего не было, под кроватью тоже. Спрашивать 104-того мне точно не хотелось, у нас была общая черта: мы оба друг другу не нравились. Я сползла с матраса и решила попытать удачу у 105-той. Аккуратно села рядом, достаточно близко, но мало, чтобы случайно ее коснуться. Немного повертев головой, я осмотрела обложку ее книги. «Занимательная зоология», я такое обычно не читаю. В детской были и более интересные книги. Почему-то

мне показалось, что трогать ее не самая хорошая идея. Краем глаза вдруг увидела яркую упаковку: на тумбочке у последней кровати лежали восковые мелки. Я взяла один, голубой, и сделала небольшую полосу на ближайшей стене. Я так давно ничего не рисовала, уже и не помню, что именно было последним моим рисунком. Скучная линия сначала стала облаком, потом грозовой тучей, потом эта туча поливала цветы на клумбе, потом по клумбе пробежала собака. Не знаю, почему собака, но она хорошо подходила. Я встала, чтобы нарисовать что-то еще повыше, но кончик мелка вдруг нашел какую-то глубокую царапину. Я огляделась внимательнее. Стена почти во весь мой рост была изрисована какими-то черточками, это не было похоже на обычные трещины, скорее кто-то делал их специально. Уж больно логично и в один ряд полосы шли. Я провела пальцами по паре из них.

- Это календарь. – Из-за спины раздался голос. 104-тый выглянул из-под одеяла и смотрел на мою спину. – Я раньше их делал, когда начинался новый день.

- А как ты определяешь новый день, здесь же нет часов? – У меня никогда не получалось понять сколько время, всегда казалось, что оно прыгает либо бежит или стоит на месте.

- Когда проснулся тогда и новый день. Часы есть у врачей, но не у всех. Да и никто тебе не даст на них посмотреть.

Я обернулась на полосы. Не считая можно было легко сказать, что их больше десяти, а может и двадцати. Один штрих

– один день? Мне стало как-то нехорошо, я отвела взгляд и решила перейти на левую сторону стены, чтобы не видеть этих полос. Сзади раздался шелест одеяла, но поворачиваться я не стала. Говорить больше не хотелось.

- Держи, шатается же!

105-тая стояла на двух кроватях, мы поставили их друг на друга, чтобы можно было дотянуться до вентиляции. Ее брат держал одну ножку кровати, я вторую. Конструкция получилась не очень устойчивой, да и времени мы на нее потратили немало. Из вентиляции плохо дуло и дышать в комнате становилось хуже. 105-тая предложила пошевелить решетку вентиляции, может это немного поможет. Она слегка дергала ее и протирала пальцами. В итоге они стали черными, но дышать и правда было легче. Ветер даже немного шевелил ее волосы.

104-тый помог сестре спуститься, а, когда мы собирались уже начинать разбирать нашу конструкцию, 105-тая залезла внутрь и натянула одеяло, вытирая об него пальцы. Получился небольшой домик, правда по бокам одеял не было, поэтому ее маленькая защита не помогала. Я забралась внутрь, старательно перелезая через изголовье. Внутри было тоже душно и темнее, чем в комнате. Соседка улыбнулась и объявила, что теперь это наш дом и женское царство. 104-тый отогнул край одеяла и заглянул к нам.

- Так нечестно, я тоже хочу.

- А ты и так постоянно под одеялом сидишь, так что у тебя дом уже есть. - 105-тая пихнула в плечо брата и задернула обратно одеяло, отрезая нас друг от друга.

Я только хихикнула. Беловолосый мальчик не сильно возмущался и просто принес мелки и одну из книг моей соседки. Она вообще любила читать - все книги, что были в комнате считались только ее. 105-тая даже пыталась мне объяснить какие-то научные термины, но я толком ничего не понимала, хотя было весело. Мы разукрасили стену за нашими спинами: нарисовали окно и шторы, парочку горшков с растениями. Все как в настоящем доме. Мы попробовали и по простыне с пододеяльником порисовать, но цвета почти не ложились и было не удобно – от малейшего давления одеяло сползало и приходилось вылезать и поправлять его обратно.

Мы стали рассказывать истории. Сначала конечно начали с книжек и сказок, потом пошли ситуации из жизни на поверхности. 104-тый повис на изголовье кровати с боку от нас – сестра не дала ему залезть внутрь – и стал поправлять 105-тую в некоторых моментах. Я узнала, что они тоже были из приюта, но в отличии от моего он был большим. Несколько этажей, множество разных детей, что приходилось жить по четверо в комнате. В целом, я тоже так жила с ребятами, правда у нас был один этаж, а второй уже технический и нас туда не пускали. Близнецы продолжали рассказывать о своих шалостях и работе в прачечной, которую им приходилось выполнять.

- Расскажи теперь о себе.

- Ну, у нас был маленький приют. Нас было десять и одна няня, уроки проходили каждый день, но она занималась с каждым по-своему. Мы были всех разных возрастов, поэтому вести общие уроки, как у вас, не было возможности. Иногда дядя Чес, знакомый няни, приносил пакеты с разными вещами, которые нам отдавали, и тогда начинались войны за новую одежду. Клянусь, один раз даже до драки дошло! Разыгрывать было особо некого, все тихо мирно.

- Даже скучно... - Закатил глаза 104-тый.

Я только пожала плечами. А что поделать? Мы были очень дружными, по крайней мере так говорила няня.

- А в приют ты почему попала? Мы вот внешностью не пошли. – 105-тая оттянула прядь белых волос и высунула язык изображая странную гримасу.

- Точно не помню, я тогда маленькой была. – Я старательно стала перебирать все воспоминания в голове. – Помню только крики и стук. Какой-то старый дом, потому что все обои были в пятнах и пахло там не очень...

Близнецы переглянулись. Я не поняла, что значат их взгляды, но спрашивать не стала. Потом мы начали рассказывать страшилки, пока железная дверь не закрипела вновь. В комнату кто-то вошел. 105-тая прижалась ко мне так тесно, что мне почти нечем было дышать. Ее брат вжался в стену, стараясь слиться с ней. Мужчина в белом халате сдернул одеяло, убирая последнюю преграду, схватил меня за руку и

попытался вытащить. Я упиралась ногами в кровать, но все еще была слабее его. Одним резким движением врач стащил меня на пол и поволок к выходу. Близнецы даже не попытались как-либо помочь мне, только смотрели грустными глазами. Наверное, стоило разозлиться. В коридоре я попыталась выдернуть руку и даже поцарапала мужчину, но это ничего не дало. Белый халат подозвал еще одного и они вместе связали мне руки какой-то тряпкой и завязали рот полотенцем. Тот, что был покрупнее, закинул мое тело себе на плечо и поволок по винтовой лестнице наверх. Я успела заметить, что снизу есть еще этаж с железной дверью и похоже он был последний.

Путешествие оказалось не долгим, если раньше меня сначала сажали в детскую, тот в этот сразу отнесли в комнату. Все такая же тошнотворная плитка-шахматы, только по мимо этого в комнате были три ванны. То есть, не совсем ванны. У них была крыша, обклеенная каким-то материалом в виде треугольников. Небольшая ванна напоминала раскрытого пополам ежика, не самая приятная ассоциация. Меня кинули внутрь. Я вскрикнула через полотенце: внутри была вода и почти неприятно холодная, а еще мне не нравится, что меня в этого «ежа» засунули. Мне развязали руки и сняли полотенце. Я уже хотела вылезти, но меня силой толкнули обратно и быстро захлопнули крышку. Снаружи что-то щелкнуло. Внутри была крошечная тьма, даже руки не видно, и то куда я этими руками в итоге бью. От ударов расхо-

дился глухой стук, а вода плескалась. Моя голубая пижама, как у близнецов, намокла и противно липла к телу, волосы лезли в рот. Я оперлась о дно и попыталась поднять крышку, но только поскользнулась и наглоталась воды. Она была настолько соленая, что меня даже затошнило, однако, мое тело не тонуло и плавало на поверхности. В темноте не было ощущения границ, я металась и щупала все в надежде, что каким-то чудом увижу свет или выберусь.

Тьма не ушла, руки натыкались на стены, совсем маленькая ванна. Только лежать и можно. Я легла, жидкость все еще выталкивала меня, дно попадалось через раз. *Ничего*. Почти холодная вода, ни звука, мгла. Я глубоко дышала, ничего не происходило и это было удивительно. Просто лежать было приятно, мокрая одежда уже не волнует. Непонятно моргала или нет, но стало как-то спокойнее. Вода тихо плескалась, когда я шевелилась, но и плавать было неплохо. Мне пришлось растянуться на воде во весь рост, чтобы было удобнее. Длинные волосы плавали и щекотали шею. Я все еще вслушивалась в окружение. Так ничего и не произошло.

Казалось, так прошли часы, хотя, наверное, не больше пары минут. Когда же ко мне вернется возможность время определять? А когда я вообще его потеряла? Мне вдруг представились большие часы с ножками, они бегали, а стрелки метались то назад, то вперед. Я представила как эти часы носятся по проекции, где мы пили чай с плюшевой головой. Прыгают на гриб, расталкивают поломанные игрушки, кру-

жались на столе, опрокидывая сервиз. Это выглядело забавно, особенно в странном виде самой проекции. Так картинки сменялись. Сначала был странный мир проекции, потом плюшевая голова, потом она же в другом облике, мне стало вдруг интересно как бы она выглядела по-другому, ведь я же ей эту внешность придумала. Хотя и не специально. Потом похожие сцены из мультиков, их заменяют воспоминание как мы эти мультики смотрели с ребятами по телевизору. Кто-то выхватил пульт, чтобы включить про роботов. Девочки просили оставить им фей. Начиналась подушечная драка и крики, я в них никогда не участвовала, если только меня не били первой. Картинки мешались, путались, обрывались. Голоса и звуки смешались в голове, что мне стало трудно подумать о чем-то. Получалась непонятная какофония из цветов и кусочков фраз.

Я резко увидела комнату. Совсем маленькую. Какие-то цветные кубики возле меня и странную женщину, которая сидела около кровати, опираясь о нее спиной. Женщина одета в фиолетовую футболку и какие-то потрепанные штаны. У меня не получается поднять взгляд и увидеть ее лицо. Коричневые волосы свободно падали ей на шею. Кровать за ее спиной была с деревянной решеткой. Или железной? Там вообще была решетка? Все такое нечеткое, единственное понятное – это кубики, они близко. Деревянные и цветные, такие большие. Я могу их пощупать. Рука наткнулась на твердую темноту. Или стену. Слишком темно, я ничего не ви-

жу! Пальцы ощупали лицо, мокрое, все вокруг *мокрое*. Глаза на месте, я их чувствую, ощущаю. Пробую открыть и снова темнота. Руки тяжелые, не могу их долго держать. Снова стена и темнота. Сбоку, сверху, снизу. *Сбоку, сверху, снизу*. Мои ноги бьют по темноте с глухим стуком. Вода плещется и заливает лицо, я почти полностью в ней. Где вообще здесь вверх? Почему мрак вокруг такой жесткий? *Мне нечем дышать. Влажно, противно!*

Сбоку появляется вспышка, но как только я перевожу на нее взгляд, пропадает. Потом еще, уже зеленая, затем красная. Почти звездное небо. Рука трогает темноту в попытке поймать точку. Она проходит сквозь ладонь, хотя я не понимаю, где мои границы, но мне так кажется. Ощущение, что если ее поймать, то она будет сладкая. Сладкая...как печенье. Нет, печенье горькое, Плюшева голова давала мне его. Тогда в проекции. А торт был...какой? Там разве был торт?

Тело тяжелое, безграничное. Я похожа на желе. Вкусное желе без оболочки. Совсем не хочу шевелиться. Просто буду смотреть, как новые цветные пятна бегают. Может это звездное небо. Я что-то слышала про звезды. Они большие и холодные. Цветные. А еще люди собирают из них картинки. Вроде это называлось созвездием. Странное слово «созвездие», увесистое и шероховатое. На вкус сладко-соленое. Словно я ем сахар и соль одновременно.

Пятна плясали, кружились. Мне казалось, что они даже пели. Что-то тихое и мелодичное, такое слушала няня, ко-

гда сильно уставала. Цвета заполнили собой всю темноту и меня саму. Я тоже была просто цветной точкой, в этом есть какой-то смысл, но думать о нем мне не хотелось.

Резкий свет и скрежет. Я зажмурилась. Громко, шумно, точки исчезли и передо мной стоял тот же белый халат, который сюда и посадил. Вода стала холодной, я замерзла. Не могу открыть глаза, слишком светло, лампочки жгут. Тело слишком тяжелое, чтобы можно было подняться. Врач достал меня из раскрытого «ежа», положил на кровать с колесиками и стал переодевать в сухую одежду вытирая полотенцем. Я смотрела в серый потолок, перед глазами еще плясали цветные пятна, согнуть руки или ноги было слишком сложной задачей. Ощущала себя куклой, только очень большой и мягкой. И вовсе не из пластика. Меня переодели, отнесли обратно в комнату, где близнецы снова вжались в стену, стоило Халату зайти со мной на руках. Они уже разобрали нашу башню из кроватей, все было по-прежнему. Мое тело положили на мягкую поверхность и оставили. Я тихо дышала, воздуха было непривычно много, все еще слишком светло, в собственном теле было неудобно. Границы мешали, очень хотелось выбраться из них. В ушах что-то стучало, громко и неритмично.

Близнецы подошли к моей кровати. Все вокруг стало расплываться, а по вискам что-то текло, ресницы мокли. 105-тая улыбнулась, слишком ласково для той, кто никак не попыталась помочь. Я ее не виню. Сама такая же.

- Все хорошо. Теперь ты снова с нами.

Ее брат накинул сверху одею, полностью накрывая меня, стало немного темнее и теплее. Теперь понятно, почему он всегда сидит под ним. Под тяжелой плотной тканью было хорошо, гораздо спокойнее. Мои виски все еще мокли, тихо и неугомонно, но это уже не имело значения. Казалось, я снова стала горсткой цветных пятен, без границ и с особым смыслом, который не все способны понять. Подушка над головой промялась под чьим-то весом, но слишком малым для ребенка. Рука коснулась моего лба и провела в бок. Сквозь одеяло. Плюшевая голова. Только ее руки не имели температуры и какого-то ощущения, потому что и в комнате ее по-настоящему нет. Она ласково гладила меня, не говоря ни слова, но молчать тоже было неплохо. Я закрыла глаза, не стараясь больше увидеть что-то. Пусть будет так.

Во сне было слышно, как играли близнецы. Что-то обсуждали, иногда замолкая. Мой ангел так и сидел у изголовья, близко и далеко одновременно. Даже прикосновения были слишком отстраненными и нежными. Странная путаница. Подумаю об этом позже. Я проспала долго, точнее, мне казалось, что долго. Время текло и тянулось, мне все еще чудилось, что мое тело в воде. Качается, плывет. Под одеялом было тепло. Плюшевая голова встала с кровати, матрас и подушка вернулись в свое привычное положение. Близнецы о чем-то шептались с моим ангелом или со своими. Чьи-то чужие голоса я тоже слышала. Красивый женский, почти мело-

дичный, он напоминал мне музыку из няниного радио, когда она еще его слушала. Рядом с моей кроватью раздавалось рычание. Грубое и злое. Одеяло над моей рукой на мгновение нагрелось от чужого дыхания. 104-тый отозвал пса и животное отошло от меня вглубь комнаты. Может я и не видела, но пес правда был намного больше обычных собак.

Я медленно села. Укуталась в одеяло, как в кокон. Оно закрывало уши, но даже так все слышно. Слишком громко. Шумит абсолютно все. Я положила лоб себе на колени, сложившись калачиком, близнецы не обращали на меня внимания, молчали. Руки дрожат. Плюшева голова пыталась поговорить со мной. Аккуратно подошла к кровати и попыталась заглянуть мне в лицо. Ничего нормального у нее не вышло, я только снова заплакала. Слезы не удавалось остановить, хотя я не чувствовала таких сильных эмоций. Я вообще ничего не чувствовала. Сказать что-то было сложно, слова просто застревали и душили меня. Голова была пустой и тяжелой. Мысли мешали и казались лишними.

Еду принесли чуть позже. Женщина испугалась, когда увидела, что помимо нас в комнате есть еще «люди»: ангел 105-той с белыми волосами и бабочками, огромный черный пес, которого мальчик обнимал, и моя Плюшева голова, сидевшая на тумбочке возле кровати. Поднос она аккуратно поставила на пол у порога и быстро выбежала, все же заперев железную дверь. 105-тая встала со своей кровати и принесла мою порцию, оставив ее на одеяле. Обед, или ужин,

пришлось есть не жуя, если бы я концентрировалась на этом, то не смогла съесть ни ложки. А без еды здесь выжить просто невозможно. Хотя, постойте, с каких пор я переживаю о своем выживании? Пустая тарелка была оставлена на краю кровати вместе с глупым вопросом.

Я еще сильнее обняла себя за плечи, прячась в тяжелой ткани одеяла. Лампочки тоже гудели, раньше никогда этого не замечала. Я стала ощупывать все вокруг, до чего только удавалось дотянуться. Тело оказалось очень мягким, его приятно сжимать в руках и мять. Ткань одежды шершавая и иногда попадаются катышки из ниток. Стена холодная и неровная. Раньше, оказывается, я многого не замечала. Даже как-то обидно. Близнецы не придавали особого значения моему состоянию: 105-тая снова читала, лежа на животе на соседней кровати, ее брат гладил огромного пса сидя на полу.

Плюшевая голова сидела на тумбочке и болтала ногами. 105-тая оторвалась от потертой книги и взглянула на моего ангела, помолчала и снова опустила глаза в текст, который точно знала наизусть. Плюшевая голова осмотрела свои туфли и повернулась ко мне.

- Ну, лапочка, как себя чувствуем?

Я приподняла голову, глаза приоткрылись и мутно оглядели ее. Ничего не поменялось, все еще идеальна и похожа на куклу. Вообще, эта девочка очень не подходила этому месту. Потертому, разрушенному и грязному. Она казалась лишней

и чужой на фоне серых стен и железных дверей. Ангел не требовала ответа, сама все знала. Волшебная сущность обязана знать больше остальных, так во всех сказках было.

- Диалог не удался, ясно, - проскрежетала Плюшева голова и погладила розовое ухо на своей голове и, уперла локти в колени, переплела пальцы, и положила на них подбородок. – А ты поговорить не хочешь? – Она повернулась к 105-той. Ее ангел, вроде Элиза, лишь без эмоционально глянула на девочку в школьной форме и исчезла. Буквально исчезла. Не красиво растворилась или превратилась в дымку. Просто исчезла, я даже не моргнула, а ее уже нет. Бабочки тоже пропали.

Близняшка закрыла книгу и прикрыла глаза. Не понятно, хотела она говорить или наоборот была раздражена чужим вопросом и вмешательством. Белые ресницы дрожали, губы сжались в тонкую ниточку.

- И о чем вы хотите поговорить?

Ангел тут же, мне показалось, радостно появилась возле нее. Снова в одно мгновение. Почти вплотную. Просто с ногами забралась на кровать и оперлась одной рукой о чужую подушку. Стоило начинать привыкать к таким резким перемещениям волшебных существ. Розовые уши встали дыбом, словно в них вставили проволоку, даже ниточный рот стал больше улыбался. Плюшева голова как-то ласково смотрела глазами пуговками на ребенка напротив. - Ну, может у тебя есть какие вопросы? Не думаю, что твоя Элиза, сильно

много болтает, - проскрипели радио помехи вместо голоса. Ангел элегантно поправила ленточку, заменяющую галстук.

- Элиза говорят столько сколько хотят. И они не самого приятного мнения о тебе, - 105-тая ухмыльнулась и положила книгу на тумбу. Похоже ее сильно забавлял вид Плюшевой головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.